

Ристо Рёнка

НАСТОЯЩЕЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ (PRAESENS SCAENICUM) СРЕДИ ФУНКЦИЙ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Институт современных языков, переводоведения и литературоведения, Тамперский университет,
Финляндия, 33100, Тампере, Калевантие, 4

В статье рассматриваются основные характеристики настоящего сценического (НСЦ), составляющего один из видов употребления формы настоящего времени. Выделяются дифференциальные признаки, отличающие НСЦ от настоящего исторического, настоящего узувального, гномического, постоянного, абстрактного, настоящего намеченного действия, пророческого и др. Материалом исследования являются парентетические ремарки в пьесах русских писателей, а его теоретической базой — работы Ю. С. Маслова о НСЦ в русском и болгарском языках. Окружение НСЦ конституируется следующими факторами: 1) определенный субъект (лицо) и/или объект действия, 2) конкретное место, 3) определенный момент действия. Настоящее время НСВ составляет центр функционального микрополя НСЦ, причем оно способно выражать как имперфективные, так и перфективные значения. В сценических ремарках наличествует особая сценическая актуальность, в которой совпадают момент действия, момент авторской речи и момент сценического времени. Библиограф. 21 назв.

Ключевые слова: сценическая ремарка, настоящее сценическое, аспектуальность, наблюдаемость действия, окружение и центр микрополя, сценическая актуальность.

THE SCENIC PRESENT (PRAESENS SCAENICUM) AS ONE OF THE FUNCTIONS OF THE PRESENT TENSE FORM

Rönkä Risto

School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, 4, Kalevantie, 33100,
Tampere, Finland

This paper examines primary features of the scenic present (SP), which is one of several types of use of the present tense form. It reveals distinctive features that separate SP from other functions of the given tense form, such as the historical present, the present in the context of the future, habitual, gnomic, constant, abstract, prophetic present etc. The research material is derived from parenthetical remarks found in the plays by Russian writers. It cites several studies by Ju. S. Maslov, in which the use of SP in Russian and Bulgarian is analysed. There are three essential factors that help to create special scenic or stage environment: 1) a definite subject and/or object; 2) a concrete place; 3) a definite moment of an action (definite event). In stage remarks the imperfective present tense forms a center in the given functional microfield. It does not substitute the perfective aspect, although it expresses both imperfective and perfective content. This research makes it possible to conclude that stage remarks have special scenic environment. The moment of the playwright's (author's) speech coincides with the moment of the event and the stage (scenic) time. Refs 21.

Keywords: stage remark, scenic present tense, functional centre, definiteness, aspectuality, scenic environment.

1. К проблематике исследования

Пьеса «Иванов» А. П. Чехова заканчивается словами: И в а н о в. Оставьте меня! (*Отбегают в сторону и застреливаются*). Два предиката в данной сценической ремарке имеют формы настоящего времени со значением совершающегося перфективного действия.

Наука о темпоральности приписывает множество функций форме настоящего времени: настоящее актуальное, неактуальное, историческое, настоящее в контексте будущего, узальное, гномическое, постоянное, абстрактное, описательное, сценическое, настоящее изложения, реферативное, настоящее намеченного действия, пророческое и др. Каждая функция имеет свою сферу употребления и свои дифференциальные признаки (см.: [Маслов 1959, с. 240; Бондарко 1971, с. 72; Бондарко 1980, с. 630–632; Бондарко 1990, с. 31; Прокопович 1982, с. 215–261; Петрухина 2009, с. 20 и сл.] и др.).

Настоящее сценическое (далее — НСЦ), подробно описанное в исследованиях Ю. С. Маслова, имеет специфические условия функционирования. Выступая в парентетических ремарках пьес, сценариев и т. п., оно представляет собой одну из частных функций и видов употребления формы настоящего времени (см.: [Маслов 1955, с. 34; Маслов 1956, с. 230; Маслов 1957, с. 17; Маслов 1959, с. 240; Маслов 1965, с. 67; Маслов 1981, с. 246; Маслов 1984, с. 64] и др.). Уже в известной работе о виде и лексическом значении русского глагола Ю. С. Маслов обратил внимание на возможность НСЦ «выражать самый факт перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние: ...*падает и умирает*...» [Маслов 1948, с. 312].

Наше исследование стремится раскрыть специфику НСЦ и его положение в микрополе функциональных разновидностей настоящего времени¹. Материалом для детального эмпирического исследования с учетом методов функциональной грамматики послужили сценические ремарки в пьесах А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и др.

Среди славянских языков только имперфективную форму в НСЦ допускают русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский и польский языки (группа А). Формами обоих видов пользуются чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий, словенский, сербский и хорватский (группа Б) [Koschmieder 1960, с. 166; Galton с. 16–17; Dickey с. 158–159; Herrity с. 177].

В ремарках русских пьес XVII–XVIII вв. выступают еще формы обоих видов: *Здѣ Дюохъ и протазаницики возмутъ* ево и *хотятъ* повалить; *Здѣ Сусакима о землю ударятъ, и бьютъ* по ногамъ, и лисымъ хвостомъ по шеѣ ево вмѣсто меча *ударя*, дондеже отъ того *падетъ* и будто мертвецъ *лежитъ* на землю. Ваня съ товарищи *отступятъ* со смѣхомъ. Тогда *приподымется* Сусакима и со страху *паки, вставъ, речетъ*... («Юдифь») [Тихонравов с. 182, 185]². Формы СВ *возмутъ, ударятъ, падетъ, отступятъ, приподымется, речетъ* не имеют значения будущего, так как общее окружение НСЦ (*хотят, бьют, лежит* и т. п.) аннулирует значение будущего. По-видимому, ситуация сценической ремарки не допускает значения будущего ни в одном славянском языке. В русском языке обязательное употребление формы НСВ в НСЦ начинается с конца XVIII в.

2. Типы и признаки настоящего сценического

По академической грамматике 1980 г., НСЦ относится к прямому (непереносному) типу употребления форм времени и составляет одну из четырех разновидностей настоящего неактуального [Бондарко 1980, с. 630–632]. Интересно, что

¹ О более широком понятии «ситуация НСЦ» см. ниже.

² О НСЦ в XVII–XVIII вв. см. [Маслов 1955, с. 34; Ломтев, с. 87].

Ю. С. Маслов относит болгарское НСЦ к переносному значению формы [Маслов 1957, с. 17]. О сценической актуальности НСЦ речь пойдет ниже.

Чаще других в НСЦ выступают формы настоящего времени НСВ (1). Реже наблюдаются деепричастия настоящего времени (2), деепричастия прошедшего времени СВ (3) и личные формы прошедшего времени СВ (4):

- (1) Дон Пабло. *Молчи!* (Он **убивает** ее).
Донья Долорес. *А!* (**Умирает.**) (И. Тургенев. Неосторожность);
- (2) Мошкин (**прислушиваясь**)... (И. Тургенев. Холостяк);
- (3) Аркадина (**вспылив**). Это старая история! (А. Чехов. Чайка);
- (4) *Шура убежала* (М. Горький. Егор Булычов и другие).

Перфектное значение форм *вспылив* и *убежала* передает продолжающееся в среде НСЦ результативное состояние. Употребление подобных форм не противоречит общей характеристике НСЦ. При этом формам в ситуации НСЦ свойственны действительный залог, изъявительное наклонение и третье лицо ед. и мн. чисел.

Ситуация НСЦ охватывает не только глагольные формы настоящего времени, создающие **функциональный центр микрополя НСЦ**, но и все средства, которые автор пьесы использует для передачи происходящего на сцене, а также для описания общей обстановки, атмосферы, поведения и переживаний персонажей: *в сторону, слабым голосом, вполголоса, умоляющим голосом, с ужасом* и т. п.

При этом существенны факторы, которые, наличествуя в подавляющем большинстве НСЦ, составляют вместе с непосредственной наблюдаемостью благоприятные условия для возникновения сценической актуальности: 1) определенный субъект и/или объект действия (*Иван ходит по сцене, видит на полу **браслет** и...*); 2) конкретное место (*Иван садится в **кресло***); 3) определенный момент действия **hic et nunc**: (***Вдруг** он встает и подходит к Нине*). Разумеется, эти «локализаторы» выступают часто в одной ремарке.

Особого внимания заслуживает непосредственная наблюдаемость положения дел на сцене, всей сценической картины: *Шпундик кланяется; Маша приседает; Пряжкина глядит на Шпундика во все глаза* (И. Тургенев. Холостяк). А. В. Бондарко пишет: «Автор выделяет в последовательности “сценического времени” отдельные моменты, нуждающиеся в комментариях по поводу действий персонажей. Он не просто сообщает о тех или иных действиях, а описывает, изображает ту ситуацию, которая возникает в его представлении, т. е. рисует образ наблюдаемой ситуации» [Бондарко 2002, с. 277].

В тривиальном темпоральном контексте наличие момента речи — необходимый компонент актуальности действия [Бондарко 1990, с. 10 и сл.]. Что касается НСЦ, то дело обстоит несколько иначе: в данной ситуации совпадают момент действия, момент авторской парентетической речи и момент сценического времени, создавая тем самым особую ситуацию сценической актуальности (далее — СЦА). Для СЦА характерно то, что она не допускает нелокализованных во времени повторяющихся и хабитуальных действий: **Он часто побаливает; *Иван любит лежать на диване*. Как правило, в ситуации СЦА не выступают «делокализаторы» типа *обычно, всегда, часто, никогда, по субботам* и т. п., а также исключаются «вневременные» действия. Вообще не все способы действия в данном случае оказываются употребительны, однако итеративность возможна, если она представляет собой

локализованное в сценическом времени действие, происходящее в рамках одного, единого периода: *Все время, пока он на сцене, служащие изредка **входят** с бумагами для подписи и **уходят*** (А. Чехов. Юбилей).

В отличие от настоящего исторического, формы НСЦ не субституируют ни перфективные, ни имперфективные действия в прошлом, а означают действия в реальном сценическом времени. На наш взгляд, НСЦ не является факультативным стилистическим средством и его невозможно надежно тестировать заменой формами прошедшего. Подобно настоящему устного репортажа, НСЦ не является настоящим в транспозиции, так как оно передает аутентичные действия на сцене. Несколько иную точку зрения выдвигают Ю. С. Маслов и Э. Кошмидер, рассматривающие на равных правах НСЦ и настоящее историческое и не выделяющие их различительных признаков [Маслов 1984, с. 66–67; Koschmieder 1987, с. 91–92].

3. Аспектуальная характеристика предикатов НСЦ

Ситуации НСЦ характеризуются предельными и непредельными, недискретными (скрытыми) перфективными и дискретными (явными) имперфективными действиями. Перфективные действия передаются имплицитно, часто при помощи сценической ситуации в целом. Необходимым фактором здесь является предельность выступающей в перфективной ситуации лексемы: *он убивает ее... он застреливается*. При этом в рассматриваемых ситуациях выступают одноактные и многоактные, а также разовые и многократные сценически актуальные действия. В одной ремарке могут чередоваться одновременные и последовательные действия. Существуют, однако, определенные ограничения–запреты. Например, в русском языке формы настоящего—будущего времени глаголов *perfectiva tantum* в НСЦ не могут быть использованы: **Иван дрогнет от страха*.

В одной сценической ремарке могут выступать самые разные типы и комбинации содержательной перфективности (П) и содержательной имперфективности (ИП). Так, аспектуальная структура следующей ремарки такова: П — ИП — ИП — П.

- (5) Бет си. Да ведь тут сеанс сейчас будет? (*Замечает, что Таня **собирает** нитки, пристально **смотрит** на нее и вдруг **заливается хохотом***)... (Л. Толстой. Плоды просвещения).

Форма *собирает* выражает актуальное предельное и действительно не «замененное» или «нейтрализованное» имперфективное действие. Ср. ту же форму в несценическом настоящем актуальном: *Иван, смотри, Таня уже **собирает** нитки*. Среди указанных предикатов представлены следующие способы действия: предельная результативность (*замечает, собирает нитки*), непредельное физическое состояние (*смотрит на нее*) и предельная начинательность (*заливается хохотом*). Примеры показывают, что в НСЦ совмещаются формы НСВ парновидовых глаголов предельных способов действия и большинства непарных одновидовых не-предельных глаголов НСВ. По-видимому, вопрос о способах действия в ситуации НСЦ нуждается еще в дополнительных разысканиях³.

³ О классификации аспектуальных категорий, в том числе способов действия, см., напр., работы А. В. Бондарко, Ю. С. Маслова, Н. С. Авиловой и М. А. Шелякина [Бондарко, 1971; Маслов, 1965; 22–23].

4. Выводы

Настоящее сценическое тесно связано со своим литературным жанром. В русском языке настоящее время НСВ составляет центр микрополя НСЦ. Оно превагирует над другими формами времени и обладает содержательным влиянием на другие компоненты ситуации.

От других функций формы настоящего времени НСЦ отличается, в частности, следующими характерными особенностями: 1) в НСЦ читатель пьесы находится непосредственно во времени событий на сцене; 2) НСЦ не является факультативным стилистическим средством; 3) НСЦ не передает переносно прошедших или будущих действий, а прямо действия актуального настоящего сцены; 4) НСЦ не «заменяет» СВ, хотя и способно выражать как имперфективные, так и перфективные содержания, 5) в НСЦ возможно только третье лицо ед. и мн. числа, а первое и второе лицо невозможно.

Локализованность НСЦ в сценическом времени позволяет постулировать понятия «сценическая актуальность» и «настоящее сценическое актуальное», где совпадают момент действия, момент авторского повествования (речи) и момент сценического времени. Связь со временем сцены обуславливается также прямой наблюдаемостью и ощущением происходящих на сцене действий совместно с определенностью субъекта (лица), объекта, места и времени действия. Ситуация прямой визуальной коинциденции может быть предпосылкой специфического функционирования вида в этих ситуациях.

Литература

- Авилова Н. С. Морфологические категории глагола. Категория вида // *Русская грамматика*. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 583–604.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
- Бондарко А. В. Категория времени // *Русская грамматика*. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 626–636.
- Бондарко А. В. Темпоральность // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 1990. С. 5–58.
- Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики на материале русского языка. М.: Языки славянских культур, 2002. 736 с.
- Ломтев Т. П. Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке // *Уч. зап. Московского ун-та*. 1948. Вып. 128. Труды кафедры русского языка. Кн. 1. С. 86–90.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1948. Т. VII. С. 303–316.
- Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–312.
- Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т славяноведения АН СССР. Л., 1957. 27 с.
- Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка: для студентов филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1981. 407 с.
- Маслов Ю. С. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке // *Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР*. 1955. Вып. 15. С. 28–47.
- Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 292 с.
- Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 263 с.

- Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. С. 53–80.
- Петрухина Е. В. Русский глагол : категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
- Прокопович Е. Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Наука, 1982. 286 с.
- Тихонравов Н. Русские драматические произведения 1672–1725 годов. Т. 1. Драматические произведения XVII века (1672–1678). СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874. 269 с.
- Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 268 с.
- Dickey St. M. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. Stanford (California): CSLI Publications, 2000. 316 p.
- Galton H. The main functions of the Slavic verbal aspect. Macedonian Academy of Sciences and Arts. Skopje: Универзитетска печатница „Кирил и Методиј“, 1976. 310 p.
- Herrity P. Slovene. A Comprehensive Grammar. London & New York: Routledge, 2000. 372 p.
- Koschmieder E. Aspektologie des Polnischen. Aus dem Polnischen übersetzt von Nina Kozłowska. Neuried: Hieronymus, 1987. 195 S.
- Koschmieder E. Das Praesens historicum und das Praesens scenicum im Ukrainischen und Serbokroatischen // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. Vol. 8, N 1–2. 1960. P. 152–168.

References

- Avilova N. S. [Morphological categories of the verb. Category of the aspect]. *Russkaia grammatika. T. I [The Russian grammar. Vol. 1]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 583–604. (In Russian)
- Bondarko A. V. *Vid i vremia russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Tense and aspect of the Russian verb (meaning and usage)]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 239 p. (In Russian)
- Bondarko A. V. [Category of tense]. *Russkaia grammatika. T. I [The Russian bgrammar. Vol. 1]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 626–636. (In Russian)
- Bondarko A. V. [Temporality]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of the functional grammar. Temporality. Modality]*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 5–58. (In Russian)
- Bondarko A. V. *Teoriia znachenii v sisteme funktsional'noi grammatiki na materiale russkogo iazyka [Theory of meaning in functional grammar in the Russian language]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2002. 736 p. (In Russian)
- Lomtev T. P. [Some notes on aspect differentiation of the stems of the present tense in the Old Russian language]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta [Scholarly notes of Moscow University]*, 1948, issue 128. Trudy kafedry russkogo iazyka, kn. 1, p. 86–90. (In Russian)
- Maslov Iu. S. [Aspect and lexical meaning of the verb in the modern Russian literary language]. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka [Izvestia of AS USSR. Department of literature and language]*, 1948, vol. VII, pp. 303–316. (In Russian)
- Maslov Iu. S. [Verbal aspect in the modern Bulgarian literary language (meaning and usage)]. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo iazyka [Issues of the grammar of the Bulgarian literary language]*. Moscow, AN SSSR Publ., 1959, pp. 157–312. (In Russian)
- Maslov Iu. S. *Glagoľnyi vid v sovremennom bolgarskom iazyke*. Avtoref. Dokt. diss. [Verbal aspect in the modern Bulgarian language. Thesis of Doct. Diss.]. Leningrad, 1957. 27 p. (In Russian)
- Maslov Iu. S. *Grammatika bolgarskogo iazyka. Dlia studentov filol. fak. un-tov [Grammar of the Bulgarian language. For the students of philological faculties of the universities]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1981. 407 p. (In Russian)
- Maslov Iu. S. [On the distinctive features of the morphological system of the verbal aspect in the modern Bulgarian language]. *Kratkie soobshcheniia In-ta slavianovedeniia AN SSSR [Brief essays of the Slavonic studies of the AS USSR]*, 1955, issue 15, pp. 28–47. (In Russian)
- Maslov Iu. S. *Ocherk bolgarskoi grammatiki [Essay on the Bulgarian grammar]*. Moscow, Publ. literatury na inostrannykh iazykakh, 1956. 292 p. (In Russian)
- Maslov Iu. S. *Ocherki po aspektologii [Essays on the aspectology]*. Leningrad, Leningrad Univ. Press., 1984. 263 p. (In Russian)
- Maslov Iu. S. [System of the basic notions and terms of the Slavonic aspectology]. *Voprosy obshchego iazykoznaniiia [Issues of the general linguistics]*. Leningrad, Leningrad Univ. Press., 1965, pp. 53–80. (In Russian)

- Petrushina E. V. *Russkii glagol : kategoriia vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [Russian verb: Category of the aspect and tense (in the modern linguistics research)]. Moscow, MAKS Press, 2009. 208 p. (In Russian)
- Prokopovich E. N. *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vido-vremennykh form* [Verb in the sentence. Semantics and stylistics of the forms of the aspect and tense]. Moscow, Nauka Press., 1982. 286 p. (In Russian)
- Tikhonravov N. *Russkie dramaticheskie proizvedeniia 1672–1725 godov. T. 1. Dramaticheskie proizvedeniia XVII veka (1672–1678)* [Russian drama in 1672–1725. Vol. 1. Drama in XVII century (1672–1678)] St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1874. 269 p. (In Russian)
- Sheliakin M. A. *Kategoriia aspektual'nosti russkogo glagola* [Category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow, LKI Publ., 2008. 268 p. (In Russian)
- Dickey St. M. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford (California), CSLI Publications, 2000. 316 p.
- Galton H. *The main functions of the Slavic verbal aspect. Macedonian Academy of Sciences and Arts*. Skopje, Univerzitetska pechatnitsa „Kiril i Metodij“, 1976. 310 p.
- Herrity P. *Slovene. A Comprehensive Grammar*. London, New York, Routledge, 2000. 372 p.
- Koschmieder E. *Aspektologie des Polnischen. Aus dem Polnischen übersetzt von Nina Kozłowska*. Neuried, Hieronymus, 1987. 195 p.
- Koschmieder E. Das Praesens historicum und das Praesens scenicum im Ukrainischen und Serbokroatischen. *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States*, 1960, vol. 8, no. 1–2, pp. 152–168.

Статья поступила в редакцию 19 января 2015 г.

Контактная информация

Рёнка Ристо — доктор философии (филологических наук); ristoronk@gmail.com

Rönkä Risto — PhD; ristoronk@gmail.com